

Национальное происхождение Низами в двух исторических этапах

Гулиева Лейла Ибрагим гызы

Институт рукописей имени М. Физули Национальной академии наук Азербайджана

В статье рассматриваются роль великого азербайджанского мыслителя Низами Гянджеви в современной английской литературной критике, исследования его жизни и творчества, новые претензии на его этническое происхождение. Автор утверждает, что после распада Советского государства идеи этнического происхождения Низами Гянджеви приобрели особую актуальность на постсоветском пространстве в связи с развитием национальных и идеологических отношений, что проявилось в результатах очередных научных исследований. Исследователь объединяет новые работы с предыдущими английскими исследованиями и пытается прояснить нынешнюю тенденцию об этническом происхождении Низами Гянджеви.

Цель работы — проследить историю изучения наследия Низами в английской литературе (автор рассматривает ее в два этапа — советский и постсоветский периоды).

***Материал и методы.** Материалом послужили тексты произведений великого Низами, который внес в азербайджанскую культуру огромный вклад: и как просветитель, и как поэт. Историографический метод позволил установить как этапы изучения жизни поэта, так и его принадлежность к этносу через анализ источников истории и литературоведения. Использовались биографический и историко-культурный методы исследования.*

***Результаты и их обсуждение.** Имеются четыре позиции о происхождении, этнической принадлежности и жизни поэта. Все они основаны на исследованиях ученых, которые едины во мнении, что родина Низами связана с Гянджей, где он и писал свои произведения. Однако после распада Советского Союза наиболее актуальным остается вопрос об этнической принадлежности поэта и просветителя. На этом поле существуют новые доказательства, причем уже ранее доказанные факты не принимаются во внимание.*

***Заключение.** В советский период и период независимости сложились два разных этапа. С начала 1990-х годов последовательно предпринимаются шаги представлять Низами как персидского поэта, хотя это не имеет научной основы, а скорее политический подтекст, что требует от азербайджанских ученых более серьезных исследований по творческому наследию Низами.*

***Ключевые слова:** Гянджа, Гум, этническая идентификация, лингвистический подход, национально-географический фактор, азербайджанская школа.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 225–231)

The National Origin of Nizami in the Two Historic Stages

Guliyeva L.I.

M. Fisuli Institute of Manuscripts of the National Academy of Sciences of Azerbaijan

The role of the great Azerbaijani thinker Nizami of Ganjeh in the contemporary English literary criticism is considered in the article as well as studies of his life and work, new claims for his ethnic origin. The author states that after the collapse of the Soviet Empire ideas of Nizami of Ganjeh's ethnic origin emerged in the post Soviet space as a result of national and ideological relations but not as new research findings. The researcher unites new works with the previous English researches and tries to clarify a new tendency of Nizami of Ganjeh's ethnic origin.

The research purpose is to trace the history of the study of Nizami of Ganjeh's heritage in the English literature. The author is considering it in the two stages — the Soviet and the post-Soviet ones.

***Material and methods.** The research material was texts of the great Nizami's works. He contributed significantly into Azerbaijani culture both as an enlightener and a poet. The historiography method made it possible for the author to trace the stages of the study of both the poet's life and his ethnic attribution through the analysis of the historical and literary studies sources. Presenting her own point of view the author tries to address the biography as well as the historical and cultural research methods.*

***Findings and their discussion.** There are four positions relating the poet's origin, ethnic attribute and life. All of them are based on the studies by scholars who have a common idea of Nizami's motherland of Ganjeh, where he wrote his works.*

However, after the collapse of the Soviet Union the issue of the poet and enlightener's ethnic attribute remains most topical. There are new proofs in this field while the facts proved earlier are disregarded.

Conclusion. In the Soviet period and the independence period two different stages shaped. Since the 1990-s attempts have been made to convert Nizami into a Persian poet. We understand that this is not a scientific aspect but a political one. This requires Azerbaijani scholars to do more serious researches of Nizami's creative heritage.

Key words: Ganjeh, Hum, ethnic identity, linguistic approach, the national and geographic factor Azerbaijani school.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 30. – P. 225–231)

Для прояснения новой тенденции об этническом происхождении Низами Гянджеви попытаемся объединить новые работы с предыдущими английскими исследованиями.

Цель работы – проследить историю изучения наследия Низами в английской литературной традиции. Для этого рассмотрим ее в два этапа – советский и постсоветский периоды.

Материал и методы. Материалом послужили тексты произведений великого Низами, который внес в азербайджанскую культуру огромный вклад: и как просветитель, и как поэт. Историографический метод позволил установить как этапы изучения жизни поэта, так и его принадлежность к этносу через анализ источников истории и литературоведения. Использовались биографический и историко-культурный методы исследования.

Результаты и их обсуждение. После ознакомления с творческим наследием Низами Гянджеви на Западе, особенно в английском востоковедении и литературоведении, можно выделить четыре позиции о происхождении, этнической принадлежности и жизни поэта.

В первом случае считается, что Низами Гянджеви – поэт тюркского происхождения и родился в древнем городе Азербайджана Гянджа, он также исследуется как азербайджанский поэт [1, с. 450].

Второй вариант – Низами родился в Гяндже и провел всю свою жизнь в этом городе, но, несмотря на это, он был представлен как персидский поэт [2; 3].

Третья группа ученых полемизирует о месте рождения Низами Гянджеви. Они утверждают, что он родился в Куме или его отец из Кума, а затем переехал в Гянджу и жил здесь всю свою жизнь. Хотя этот вопрос уже давно прояснен, в последнее время некоторые английские ученые придерживаются данного мнения и доказывают его.

Остальные исследователи считают Низами персидским поэтом с лингвистической, а азербайджанским – с национально-географической точки зрения [4].

Как видно, единственная общая позиция каждой из четырех идей заключается в том, что родина Низами связана с Гянджей. Почти все исследователи сходятся во мнении, что Низами жил в этом древнем городе Азербайджана и создал здесь бессмертные произведения. Одновременно ученые ссылаются на собственные произведения поэта.

نم نابی‌ری‌گ مدرک هرگ ه‌چ‌نگ
نم ن‌ا ق‌ار‌ع چ‌نگ ی‌هرگ ی‌ب
مال‌غ ی‌اک ن‌اه‌ج در‌وارب گ‌ن‌اب
م‌ادک ی‌م‌اظن و ت‌س‌م‌ادک ه‌چ‌نگ
دی‌سر ن‌ای‌اپ ه‌ب رم‌ع ز‌ا ر‌ت‌ش‌ی‌پ
دی‌سر ن‌اون‌ع ه‌ب م‌ان ن‌ی‌ا ه‌ک ر‌ک‌ش

*(Гянджа взяла меня к себе,
Без этого сокровище Ирака принадлежало бы мне.
Вселенная сказала: «Дорогой мой,
Что такое Гянджа, где Низами?»
К счастью, до конца жизни
Это письмо дошло до адреса)*

Однако следует отметить, что с 1990-х годов некоторые лингвисты пытаются вновь поднять вопрос об этнической принадлежности Низами, отбрасывая в сторону уже давно доказанные исторические и научные факты. Поскольку не было выдвинуто никакой новой научной основы для подобных утверждений, ее можно рассматривать только как неотъемлемую часть политико-идеологического взгляда, который составляет фундамент социально-политических трансформаций, начавшихся в конце 1980-х годов. Следует признать, что пересмотр ценностей, сформировавшихся на постсоветском пространстве, в основном зиждется на двух опорах:

1. На почве новых национальных отношений.
2. На идеологической плоскости.

По нашему мнению, оба фактора имеют место в актуализации вопроса о национально-этнической идентичности Низами. Конечно, исследования, проводимые на советском и постсоветском пространстве о жизни и творчестве Низами Гянджеви, всегда были в центре внимания английского востоковедения и литературоведения. Мы должны сказать, что именно влияние идей и мнений на постсоветском пространстве привело к определенным изменениям в различных позициях многих английских ученых об этнической идентичности великого азербайджанского мыслителя в современную эпоху.

Как мы уже отмечали, некоторые из них произошли в национальном контексте [3; 5], а некоторые – в чисто идеологическом [6–8]. Мы видим этот подход в статье Эдмунда Херцига, декана факультета востоковедения Оксфордского университета, 15 апреля 2017 года озвученный в Калифорнийском государственном университете: «Как Низами Гянджеви превратился в национального поэта Азербайджана?»

(How Nizami Ganjavi became an Azerbaijani National Poet). Он говорил об «азербайджанизировании персидского поэта» как результате политики Советского государства, без приведения каких-либо новых фактов о жизни Низами Гянджеви. Не только Херциг, но и Джулия Скотт Мейсами, сегодняшняя автор многих замечательных статей о Низами, также считает, что он является персидским поэтом. Херциг пытается связать представление о Низами как об азербайджанском поэте с идеологическими целями Советского государства, в частности Сталина. Скорее всего, Херциг знаком с работами, написанными о Низами, которые искажают факты на постсоветском пространстве с 1990-х годов. Например, в недавней публикации о Низами армянский автор настолько заинтересован в отрицании азербайджанского происхождения поэта, что представляет людей, живущих в Северном и Южном Азербайджане, как отдельные народы, чтобы подтвердить свою точку зрения. Он заявляет, что именно начиная с 1918 года Север называют Азербайджаном, а проживающее здесь население – азербайджанцами. Конечно, цель этой статьи – отрицать тюркско-азербайджанское происхождение Низами. Тем не менее еще до Низами Фирдовси, пропагандировавший персидскую культуру как высшую культуру в мире, упоминал Азербайджан в «Шахнаме» и, говоря о траектории движения Искандара (Александра Македонского), использовал следующие примеры:

مدکش تآ راک متخاس دش وچ
مدس نشج و زورون یاج نام
نایج ابیرذا یوس دم ایب
[9] ناگدازآ و نارادمان و دوخ

*(После окончания работы Атешкеде,
Которая относится к празднику Новруз и Саде,
Он сам со знаменитыми людьми
Приехал в Азербайджан)*

Фирдовси не пишет, как арабские авторы, Адербадеган, или же Атрапатена. С другой стороны, Искандар не может пройти мимо Северных земель магов. Здесь мы видим, что Фирдовси, когда говорит о Севере и Юге, он имеет в виду единый Азербайджан...

Вообще, в большинстве статей, написанных в последние годы, мы находим, что Н. Гянджеви является поэтом Азербайджана с подачи сталинской политики. Но до сих пор историк Нураддин Мухаммед Оуфи в «Любабуль-альбаб», Наджимаддин Абубакр Мухаммед Али Раванди в «Рахат-юс-судур и аят-юс-сурур», Насреддин Яхья бен Маджидеддин Махаммад в «Сельджукнаме», Довлатшах Самарканд в «Тазкиратшу-шуара», Аббасгулу Ага Бакыханов в «Гулистане-Ирам», Фирудин бек Кочарли в «Литературе азербайджанских татар» и др. открыто затрагивали вопросы об этнической самобытности Низами.

Еще раз мы должны с большим сожалением отметить, что превращение этнической идентичности Низами в субъект национальных отношений вне ее

национального контекста может рассматриваться как способ атаки на советскую идеологию и Сталина. Ведь сегодня авторы, утверждающие, что Низами не является азербайджанцем, не приводят никаких фактов, кроме старого лингвистического подхода.

Например, проармянский писатель, археолог В.А. Шнирельман в работе «Войны памяти. Миф, идентичность и политика в Закавказье» пишет, что в связи с 800-летием Низами в 1938 году был объявлен азербайджанским поэтом, хотя фактически он был персидским поэтом, что неудивительно: «в те годы население города (имеется в виду Гянджа. – Л.Г.) составляли персы» [4]. Когда Шнирельман озвучивал это мнение, он якобы ссылался на некоторые воспоминания Игоря Михайловича Дьяконова. Правда, Шнирельман впоследствии полностью удалил статью из интернета из-за несерьезности и антинаучности источника.

На самом деле Дьяконов говорит, что «Низами живет в тюркском городе Гянджа, но пишет по-персидски». Все эти идеи отражены в его книге, опубликованной Кембриджским университетом в 1999 году [9]. С другой стороны, как говорили тогда на персидском языке на азербайджанских территориях, если Катран Тебризи знал этот язык плохо?

Российский ученый Юрий Слезкин, который отметил, что советское правительство проводило определенную этническую политику, также утверждает, что с 1934 года началась эпоха романтического национализма в бывшем Советском Союзе и каждому народу была предоставлена возможность раскрыть своего славного мастера. Он также заявил, что Низами Гянджеви внес вклад в историю народа Азербайджана в обозначенном периоде [10]. Как правило, авторы, которые подходят к творчеству Низами с этой точки зрения, почти все придерживаются одинаковых или похожих взглядов, поэтому нам не нужно останавливаться на каждом из них в отдельности. Большинство из тех, кто считает Низами персидским поэтом, как правило, выражают свою позицию с двух точек зрения:

1. С точки зрения языкового фактора.
2. С точки зрения средневековых повествований.

У тех, кто хочет доказать, что «азербайджанизирование» Низами – результат советской идеологии, одним из первых аргументов является, возможно, несколько двусмысленный Хаджи Лютфи-бей Азери в «Атешкеде», которые он дал, ссылаясь на Низами. Однако английский исследователь Чарльз Рийо давно прояснил этот вопрос в «Catalogue of the persian manuscripts in the British museum». Поскольку вопрос об «азербайджанизировании Низами» стал актуальным на постсоветском пространстве и на Западе, в частности в английской литературной критике, в том числе после обретения независимости Азербайджаном, возникает необходимость еще раз рассмотреть этот вопрос.

Рийо отмечает, что на странице 564 каталога, о котором мы упоминали выше, на странице 398 «Nəft iqlim» и на странице 102 «Atəşkədə» сообщалось, что Кум был родиной поэта или его отец пришел оттуда. Также, согласно полустушию Низами

в «Искандарнаме» ممق رمش ناتس مک زا, происхождение поэта связано с Кумом. Однако впоследствии исследователь заявил, что почти вся жизнь поэта прошла в арранском городе Гянджа (в те времена в Елизаветполе) [11].

Высоко оценивая заслуги Рийо и его научную точность, Бертельс пишет, что старые рукописи Низами, относящиеся к 763 г. (1360 г. н.э.) и хранящиеся в Национальной библиотеке Парижа, не содержат этих полустиший и что позднее они были добавлены к произведениям Низами [12]. Кстати, существуют некоторые различия в превращении хиджры (исламский календарь) в христианское летоисчисление, когда была окончена рукопись [13, с. 7].

Следует отметить, что, хотя Рийо называл произведение «Nəft iqlim», написанное в шестнадцатом веке, те, кто говорил о происхождении Низами из Кума как в азербайджанской, так и в английской литературной критике, в основном ссылались на «Atəşkədə» Лютфали Бея Азерина. При этом Рийо не упомянул авторов названных публикаций. Ниже в повествовании о происхождении Низами приведено следующее:

مەگ هەجنگ رەح رە هەچرگ رۆ وچ
ممق رمش ناتس مق زا یلو
وامان ات تسه ید شرفت مەب
وج مان هدش اج نأ زا یماظن

*(Даже если пропаду как драгоценные камни в Гянджинском море,
Но я из Кухистана, города Гум.
Существует деревня под названием Та,
Низами отправился оттуда, чтобы найти
свое имя)*

Многие исследователи в течение длительного времени не сообщали, откуда эти идеи и полустишия были взяты Лютфали беком. Фактически источником подобной идеи был человек, которого называли Ахмадом Эмином Рази, повествователь XVI века. В своем «Təzkireyi-həft iqlim» он представил Низами среди поэтов Кума, но также этот вопрос был поднят им относительно биографии поэта [14]. В предисловии данного повествования автор заявляет, что он написал эту работу в Индии в течение шести лет и начал ее в 996 году по календарю хиджры и завершил в 1002 году.

Эмин Ахмад Рази представляет Низами как рассказчика, человека, изолированного от мира, и подтверждает, что Шейх родился в Ираке, хотя он был из Гянджи. Видимо, Хаджи Лутфали бей Азерин также передал эту идею в своем произведении «Atəşkədə».

Писатель Эмин Ахмад Рази пишет, что, хотя Низами был человеком, который мог для себя извлекать выгоду из внешних наук и официальных полномочий, он жил до конца своей жизни скромно, не приближался к престолу, как другие поэты, напротив, судебные решения и указы всегда отвечали его потребностям, в связи с чем приводятся примеры.

وت رب زا یناوج دەع مەب نوچ
وت رد زا مەتفەرن سەک رد مەب
یداتسەرف مەرد رب ار مەم
یداد یم وت مەتس اوخ یم نەم

*(С момента моей молодости
Я не пошел к чьей-то двери (от вашей двери)
Ты привел всех к моей двери
Я не хотел, ты давал)*

Автор повествования затем добавляет следующие полустишия к куплету:

دەب یشەگب نەنیچنگ ز یماظن
دەچ و دەنچ ات هەچنگ یراتفەرگ

«Низами, открой узел от сокровищ, как долго ты пробудешь в Гяндже?»

Повествователь, когда говорит о биографии поэта, напоминает два письма, которые были отправлены ему. В одном из этих писем отношение Низами к турецкому султану и турецкого султана к Низами поскольку выглядит явным, мы на них остановимся подробно. Мы попытаемся дать им точный перевод с персидского: «“Сокровища тайн” как известная часть из проповеди каждой книги душевной “Хамсы”, у которых нет подобия и аналогии, и которые созданы по просьбе правителя, была послана на имя султана знаменитого Бахрам шаха». Это понятно из нескольких пунктов.

هەگ سوومان و دە ز دەم و دە مەمان
هەاش مەرب و دە مەب لەجسەم و دە ره
مەتخەیر نەمک ناک زایرز نأ
مەتخەیکنان و نەرحب زایرز نیو
مەلەع نینزغ ز مەدروا رد مەب نأ
مقەر یمور مەکس رب دەرز نیو

*(Два письма от двух достойных людей пришли –
Два письма от имени Бахрам Шаха.
Это золото было вылито из старого рудника,
А этот драгоценный камень – из нового ручья.
Он поднял флаг из Газны,
Другой клеймил румские монеты)*

Затем повествователь комментирует эти стихи и пишет: «Одна из целей шейха – это повествование доктора Санайи и “Хадика”, которое сказано в честь Бахрама Шаха Газнави, а другая – “Мəхзəн”, посвященное славе и характеру Бахрама Шаха Руми. Бахрам Шах Руми является членом правящего класса, который был назначен сельджуками султанами. Его племена Менкучек, к которым он принадлежал, включали в себя Эрзинджана, Комаджа, Когуса и некоторые части Диярбакыра и стали правителями Эргенюзрума. Их история такова: Султан Альп Арслан Манкучек был связан с Гази Хашамом Султаном и Амруллою Аббаси. По просьбе халифа он стал правителем провинции.

Его сыновья долгое время правили в этой провинции. Затем правление дошло до Бахрама, сына правителя Давида и внука Манкучека Гази. Его состояние стало расти настолько, что Султан Гылыдж Арслан Сельджуки выдал свою дочь за него. Бахрам хан был очень благородным и заботливым. Итак, везде в Эрзинджане был праздник, не было посторонних. В обмен на “Məxzən ül əsra” поэту отправили 5000 золотых динаров, т.е. подарок стоимости 400 иракских тюменов, ювелирное изделие и разного рода шелковых тканей отправили шейху. Если шейх принадлежал Гяндже, то место, где он родился, по-видимому, Гум» [14, с. 1070].

Хотя автор делает такой вывод, но ясно, что за любовь Низами к Ираку стоял султан Бахрам, который достойно оценил его труд. Первым человеком, который впервые оценил работу Низами, был Румский шах, он выбрал этот город не потому, что родился там, а потому, что его там оценили.

В общем, связь Низами с Гумом видна только из этих предложений. Эти идеи не основаны на источниках, кроме двух куплетов в «Iqbalname». Хотя в повествовании, о котором мы рассказывали, упоминаются различные источники о незначительных событиях. Например, географическое положение города Гум упоминается как «Əcaiyib ül-bəlad» или «Əcaib ül-məxlūgat» относительно птицы, которую Иисус создал из глины. Но автор не показывает ни одного источника, связанного с жизнью и творчеством Низами.

Отметим здесь, что широкое освещение мифических легенд, отказ в передаче источников не позволяют говорить об этом повествовании как о серьезном источнике. Например, когда автор хочет похвалить климат Гума, историю, относящуюся к Иисусу Христу, об убитых и воскрешенных четырех птицах, с кровью которых лепили глины, это связывается с данной провинцией.

Короче говоря, вероятность появления Кума на основе «серьезных» источников по-прежнему поддерживается некоторыми европейскими исследователями, включая английских.

В то же время в английской литературной критике на определенном этапе Низами Гянджеви считался персидским поэтом с лингвистической точки зрения, азербайджанским поэтом – с точки зрения национально-географического контекста. Кстати, признание Низами тюркско-азербайджанским поэтом на Западе подтверждалось большой работой русских и советских ученых. Так, советский ученый Е.Э. Бертельс в своей монографии «Низами и Физули» представил всестороннюю историю Азербайджана XII века со специфическим историческим методом изучения творчества Низами и впервые раскрыл азербайджанскую школу в персидской поэзии. Это привело к тому, что исследователь, выступая о творческой деятельности Низами, имел возможность доказать связь его с Азербайджаном, Кавказом. Критически-исторический метод привел к обнаружению неопровержимых фактов в главном источнике – произведениях Низами.

Отметим, что европейцы, в частности английская литературная критика, все же не отказались от понятия «персидский поэт». Долгое время к Низами относились двояко: с лингвистической точки зрения как к персидскому поэту, а с национально-географической точки зрения – азербайджанскому. Западные востоковеды и литературоведы персидских литературных деятелей считали представителями персидской литературы, а также национальной литературы на персидском языке, поскольку они родились на территории Ирана.

Как правило, на первом этапе литературоведческой науки литераторы классифицировались по лингвистическим критериям, а национальные факторы игнорировались. Только после возникновения национализма и распада колониальной системы начался процесс национализации литературы.

Одним из авторов, который обосновал связь религиозных и социальных взглядов Низами с Азербайджаном, лектором на факультете арабских и исламских исследований в Университете Эдинбурга, сотрудником Вольфсон-колледжа, автором многих ценных работ по восточному литературоведению и переводам древних рукописей, был М.В. Макдональд. Он, прежде чем говорить о Низами, дал ясную картину окружающей среды, в которой жил поэт, а затем привлек литературное наследие поэта к исследованию. Кстати, Британский институт персидских исследований, где он работает, сегодня является одним из самых влиятельных в мире институтов иранских исследований.

Макдональд представляет Низами, умершего в первой половине XIII века, азербайджанским поэтом и философом. Макдональд подчеркнул, что первое великое имя в азербайджанской литературе принадлежало Катрану Тебризу, хотя основная часть жизни поэта была связана с Тебризом, но его работа была в Гяндже. Макдональд особо упоминает заметки Насира Хосрова о поэте. Вопреки тому факту, что Шнирельман представил в то время Гянджу как персидский город, Макдональд указал на «арранский» язык, который использовали в Гяндже, и объяснил это тем, что Катран плохо знал фарси.

Ученый пишет: «Первое великое имя в азербайджанской литературе принадлежит Катрану. Насир Хосров также писал об этом в своих заметках. Хотя большая часть его жизни продолжалась в Тебризе, он начал свою карьеру в Гяндже, возможно, потом вернулся туда. Гянджали Аби Ула, Фелеки (Шамахили), Изеддин Ширванли и Хагани также родом из Гянджи. Если мы добавим имя Месхети, которая родилась в Гяндже, то увидим, что в Гяндже процветает поэтическая среда. Учитывая этот факт, мы должны тщательно изучить наследие Низами, чтобы увидеть, как его работа совпадает с его предшественниками и современниками и чем они отличаются от них» [1, с. 97–101]. Макдональд заявил, что в период до Низами, в целом, персидский язык не был распространен на территории Азербайджана и отсюда тот факт, что Азербайджан не является исторически ираноязычной страной:

«Насири Хосров рассказывает о Катране из Тебриза, что он создал хорошую поэзию, но он плохо знал персидский язык». Во всяком случае, персидский не был языком Азербайджана. Аль-Макдуси напоминает, что в провинции Ардебиль говорили на 70 языках. Ибн Хаувкал (X век) отмечает, что в Арране (на родине Низами) говорили на арранском языке, как и раньше. Эти факты тормозили распространение персидской литературы в западном Иране, но подобные барьеры исчезли за период Низами. Появление местных независимых и полунезависимых династий в северо-западной части Персии указывает на необходимость дворцовой поэзии на персидском языке [1, с. 97–101].

В следующей главе Макдональд связал распространение персоязычной поэзии в Азербайджане с ослаблением империи сельджуков. Он пишет, что, хотя Катран, который был основателем азербайджанской поэзии на фарси, знал персидский плохо, персидская поэзия быстро развивалась в эпоху Низами. В то же время Макдональд руководствуется двумя критериями, когда говорит о Низами: он считает его персидским поэтом с лингвистической точки зрения, азербайджанским – с национально-географической.

Среди авторов, изучавших Низами в английской литературе, следует упомянуть имя британского востоковеда Чарльза Амброуза Стори. Его пятитомное произведение «Персидская литература: библиографические исследования» считается влиятельным источником и упоминается в иранской энциклопедии. Он пишет, что текст Низами впервые был критически оценен Риттером и Рипкой в 1934 году, а затем сам автор критикует эту работу из-за неточностей [1, с. 450]. «С 1940-х годов критическая публикация (автор показывает в начале, что “Пятёрка” Низами может рассматриваться как 6 стихотворений, потому что “Искендернаме” состоит из двух отдельных частей), основанная на общем плане Бертельса, была реализована командой азербайджанских ученых. Они были основаны главным образом на этих избранных копиях рукописей “Хамсы” и следовали за вышеупомянутыми парижскими и оксфордскими копиями.

Редакторы не использовали берлинские рукописи и не группировали свои работы по семьям. Тем не менее их критические подходы делают эти публикации лучшими публикациями (кроме “Семи красавиц” Риттера / Рипки). Хотя *Vahid Dastgardi* из 6 поэм, опубликованных в Тегеране в 1930 году, вероятно, были основаны на большом количестве рукописей, поскольку ни один вариант не цитировался, выбор текстов не различался между действительной и недействительной частями, и, кажется, был по существу произвольным» [1, с. 450–451].

Как видно из указанных предложений, он считает исследование Стори Бертельсона и азербайджанских ученых наиболее ценным.

Отметим также, что ни Макдональд, ни Стори, о которых мы упоминали выше, даже ни слова об «азербайджанизировании» Низами Советским государ-

ством и партией Сталина. Если мы примем во внимание идеологическую борьбу в тогдашнем мире, эти ученые, которые фактически представляли различные политические системы, должны были немедленно увидеть подобный подход. Тем не менее Стори не видит никакого следа советизма в принадлежности Низами к Азербайджану, в связи с чем исследователь разъясняет проблеме Гума: «...некоторые стихи из его поэтических произведений, в которых говорится, что он из провинции Кум, являются ложными интерпретациями» [1, с. 450–451]. Как видим, Стори выражает свое однозначное мнение по этому вопросу. Всемирно известный ученый использует как лингвистические, так и географические критерии.

Всемирно известный ученый Энн Катерин Свинфорд Лэмбтон однозначно говорила о Низами как об азербайджанском поэте в статье «Проблема Азербайджана»: «Когда мы обращаемся к культурной среде, мы видим, что многие выдающиеся представители персидской литературы – Низами, Хагани, Катран Тебризи были азербайджанцами» [15]. После знакомства англичан с Низами их интерес к Низами никогда не уменьшался. После обретения независимости Азербайджаном мы также видим имя известного мыслителя в статье, названной «Признание творчества Низами на международной арене: библиография». Статья, написанная в соавторстве с Камраном Талаттоффом и Джеромом В. Клинтонном, была опубликована в 2001 году в сборнике «Стихи Низами Гянджеви: знание, любовь и риторика» (Palgrave Macmillan). Отметим, что Камран Талаттофф и Джером Клинтон также редактировали журнал. Здесь представлены Уолтен Эндрюс, Джули Скотт Мейсами, Кристина ван Руймбеке, Кристофф Бургел и др., а также статьи известных литературоведов.

В вышеуказанной статье вся библиография Низами вновь отфильтрована критикой, были исследованы деятельность азербайджанских и советских регуляторов, а также празднование 800-летия Низами и работа нового поколения иранских низамиведов. Вся библиография, в том числе работы Бертельса и Рафили, критикуемые Тамазишвили, также включены сюда. Камран Талаттофф критикует советских и азербайджанских литературных критиков за идеологическую адаптацию Низами, в то же время он показывает Бертельса среди самых влиятельных западных ученых, который исследовал творчество Низами. Статья демонстрирует позицию современных исследований.

Профессор Ричард Дэвис, заведующий кафедрой культуры и языков Ближнего Востока в Университете Оксфо, хорошо известен в области персидской поэзии, он также называет Низами «персидским поэтом» и «рассматривает его поэмы “Хосров и Ширин”, “Лейли и Меджнун”, “Семь красавиц” как связующее звено между двумя стилями» [16, с. 621].

Кристин ван Руюмбеке интерпретировала «Персидскую поэтическую школу Азербайджана» в XII веке как центробежную, как результат художе-

